

© 1997 г. В.Б. КРЫСЬКО

VERBA PRETII В ИСТОРИИ РУССКОГО
И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Настоящая статья посвящена семантико-синтаксической истории глагольно-именных сочетаний со значением стоимости, которые в современном русском языке представлены главным образом конструкциями с глаголом *стоит*, управляющим винительным (ВП) или родительным (РП) падежами: *стоит сто рублей – стоит больших денег*. Однако в древнерусском языке образования от основы инфинитива *стои-* не встречаются. Для обозначения цены в церковно-книжных памятниках XI–XIV вв., помимо описательных выражений (типа: Не дѣвѣ ли пѣтици ассарии цѣнимѣ есте Мф. X. 29. Остр. ев. – ἀσσάρλου; Не пять ли пѣтиць цѣниться пѣнязема дѣвѣма Лук. XII. 6. Остр. ев. – ἀσσάρλων δύο [Срезн., III: 1459] – в соответствии с греческой пассивной формой πωλεῖται, сочетающейся с генитивом; и бѣ цѣна его ·ѣ· златникъ Палея ист., 39 [Сл XI–XVII, 6: 7]), использовался образованный от *стояти* так называемый достигаемый глагол *достояти*¹, управлявший, как и все глаголы этой лексико-семантической группы (*достигнути, желати* и т.п.), РП со значением предела (в данном случае количественного, ценностного), которого достигает предмет в своем действии или состоянии²: и ре(ч) хощеши ли коупити камыка сего и ре(ч) к нему что хощеши на немъ взяти. гѣла продаяи. ты веси *чего достоитъ* ПрЛ XIII, 80б-в³; гѣла емоу прими друже се и да(и) ми коверъ. и примъ оубо старецъ злато с радостью. *ибо не достояше сего* СбТр к. XIV, 193 [СДРЯ, III: 70]; от *достояти* посредством суффикса *-н-* образовано прилагательное *достоинъ* "стоящий", также сочетавшееся с генитивом: Приде же и Никодимъ, несый сѣмѣшени измюрно и алоино, *достоино цѣны* литръ. ·ѣ· КТур XII сп. XIV, 30, ср.: [Срезн., I: 714]. РП при *достояти* дважды отмечен и в русско-греческом разговорнике XV в. – "Речь тонкословия греческого", написанном, как полагает М. Фасмер, монахом [RBG: 138]; показательно, что в греческом переводе в обоих случаях фигурирует аккузатив, ср.: *чего достоитъ* RBG, 57 (τί χρήζει αὐτοῦ); *чего достоитъ* 74 (τί χρήζει αὐτό).

Древнейший пример более обычной для нас конструкции с глаголом *стати* зафиксирован в "Хождении за три моря" Афанасия Никитина (XV в.): И язъ грѣшный

¹ Реконструкция его в виде *достоити*, нередкая в исторических словарях, опирается на аналогию с современным *стоит*, а не на реальные факты памятников, демонстрирующих *-и-*основу только в парадигме наст. вр.; формы, на первый взгляд противоречащие этому положению, на самом деле просто неверно трактуются: так, *достои* УСб. ба5, интерпретированное в словоуказателе к изданию как "аор. ед. 3 л.", в действительности является формой наст. вр. с нулевым окончанием – что ясно следует из контекста, в котором речь идет не о прошедших, а о будущих событиях: азъ покажу семоу елико же емоу достои. моего имене дѣля пострадати (греч. χρή).

² Ср. отглагольное существительное *достояние* – изначально "то, чего человек добился, достиг", позднее также – "величина, размеры затрат" (полное воздаяние воздати... чтобы тѣхъ проторей стоило, чего велеможный Король у Государя нашего Царского Величества по *достоянью* попроситъ АИ II, 331, 1609 г.).

³ Для обозначения древнерусских источников используются в основном сокращения, указанные в [СДРЯ, I: 24–48]; цитаты, почерпнутые из КДРС, сопровождаются обозначениями, принятыми в [Сл XI–XVII].

привезлъ жеребца в Ындѣйскую землю... а стал ми сто рублевъ ХАН, 20. Использование *стати* в значении "стоять, обойтись (в какую-либо цену)" находит параллели в других славянских языках: ст.-польск. (1402 г.) *to stalo pandz krzewen* "то стоило пять гривен" [SSP, 53: 397, 401], чеш. *noviny stojí korunu* "газета стоит крону" [Vaillant 1977: 29] (ср. также ст.-чеш. *státi* "mít cenu" [MSCS: 477]), словац. *stát'*, серб.-хорв. *stalo me deset groša* [RHSJ, 68: 456], словен. *obleka stane dva tisoč dinarjev* [SSKJ, IV: 924]. По мнению М. Фасмера [Фасмер, III: 769–770], западнославянские слова, как и средневерхненемецкое *stân* "стоять", см. [MHDW, II: 574–575], образовались по аналогии лат. *constare*. Однако если средне (верхне- и нижне) немецкий глагол *kosten*, сочетающийся с ВП (ср. ср.-в.-нем. *daз kost mē danne tūsent pfunt, daз kostet mich ein sterben* [MHDW, I: 866], ср.-н.-нем. *it kostet grōt gelt, it kostet tat lîf* [MNDHW, II: 651]), действительно как формально, так и синтаксически восходит (через ст.-франц. *co(u)ster*, откуда соврем. франц. *coûter*) к средневековому латинскому *co(n)stare* (с винительным цены) < класс. лат. *constare* (с аблативом цены) [Grimm, V: 1865–1866; FT: 569; Kluge: 407; Niermeyer: 257; Walde: 597; EM, II: 653], то для *stân* предполагать латинское влияние отнюдь не обязательно. Еще братья Гримм с полным основанием утверждали: «И все же наши слова (*stân* и *gestân* в значении "стоять". – В.К.) кажутся не переводом, а самостоятельным произведением; потому что они, хотя еще и не засвидетельствованы в древневерхненемецком, все же, вероятно, являются древнегерманским достоянием, поскольку англ. *stand* также означает "стоять", очевидно, уже англо-сакс. *standan*, как и др.-сканд. *standa...*» [Grimm, V: 1865]. Равным образом, даже допуская – не без натяжек – возведение средневековых польских и чешских оборотов к латинскому (в таком случае приходится предполагать замену латинского приставочного глагола славянским бесприставочным), едва ли можно объяснить подобной аналогией сербские и тем более среднерусские формы. Думается, что развитие у глаголов с семантикой "стоять; ставить" и т.п. значения "стоять; продавать" если и не восходит к общеиндоевропейскому состоянию (по мнению братьев Гримм, это значение, "кажется, было усвоено глаголом уже в индоевропейском" [Grimm, XII: 1699]), то во всяком случае носит характер фреквенталии: здесь нельзя не упомянуть хет. *ištanḫ-* "стоять" [Kronasser 1966: 423], лат. *stāre*, встречающееся в значении "продаваться за какую-то сумму, стоять" уже у Плавта и Вергилия, *prostare* "быть выставленным на продажу", *proponere* "продавать" < *ponere* "класть" [Specht 1935: 51; EM, II: 651], греч. *καθίστημι* "ставить; быть выставленным" > "стоять" [Grimm, V: 1865; LS: 855], *ὀδᾶω* (*ὀδεῖν*) "увозить; продавать" [LS: 1197] < **sodéjō* (каузатив "сажать" к **sed-* "сидеть") [Specht 1935: 52]. На этом фоне значение "стоять" и у ср.-в.-нем. *stân*, и у слав. *stati* более предпочтительно интерпретировать как результат по крайней мере типологически (если не генетически) общей семантической эволюции – от "стоять" к "быть выставленным" → "продаваться (за определенную цену)" → "стоять"⁴. Ввиду своей общеславянской распространенности **stati* "стоять" вполне может считаться праславянским наследием, а неравномерное и разновременное отражение соответствующих глаголов в отдельных частях славянской языковой территории естественно трактовать как следствие их разговорного, некнижного статуса (ср. *стати* vs. *достояти*).

Иначе обстоит дело с сочетаемостью. Как уже отмечалось, *accusativus pretii* при лат. *constare* появляется только в средние века (*Jacere nostrum nichil constabit monachis* "Наше пребывание ничего не будет стоить монахам" [Niermeyer: 257]): в классической латыни для выражения цены при *stare* и *constare* использовался аблатив (*periculum vitae meae tuo stat periculo* Plaut., *Capt.* 740 [Specht 1935: 51] – букв. "опасность для моей жизни стоит опасности и для твоей", *haud illi stabunt Aeneia paruo hospitia* Verg., *Ae.* 10.

⁴ Ср. *ставиться* "выставляться на продажу" в тексте начала XVIII в.: та соль *ставилась*... у промышленников в Нижнем... по настоящей цене только по десяти денег пуд ПБП, XII. 415.

494–495 [EM, II: 651; стих указан ошибочно – 404] "ему будет недешево (букв. "не малого") стоять гостеприимство Энея", *edocet quanto detrimento et quot uirorum fortium morte necesse sit constare victoriam* Caes., B.G. 7, 19, 14 [EM, II: 653] "указывает, скольких потерь и смерти скольких сильных мужей неизбежно будет стоять победа"). В древнегреческом при *καθίστημι* и других глаголах цены наблюдается генитив: *οὐκ ἠθέλησα πράξασθαι πλέον ἢ ὅσου ἐμοὶ κατέστησαν* "Я не хотел назначить цену выше, чем стоило мне" [Woodhouse: 176]. В средневерхне- и нижненемецком *stân* сочетается с винительным цены [Grimm, XII: 1699]: ср.-в.-нем. *daz in wol drîe schillinge stêt* [MHDW, II: 575], ср.-н.-нем. *êneme (=einem) grôt gelt (ên punt) stân* [MNDHW, III: 422], как и древнескандинавском: *gullhringr er stoð mörk* "золотое кольцо, которое стоило марку" [Grimm, V: 1865]. В старопольском единственный процитированный выше пример ВП сосуществует с многочисленными конструкциями *stać za coś*, а также формой *stać w czymś* [SSP, 53: 397–398]; в среднепольский период и в начале новопольского *za* + ВП также абсолютно преобладает, хотя словари изредка отмечают аккузатив и генитив: *krzyżyk na szyi stał czterdziestu czerwonych złotych* (1609 г.), *Lewkowy taler 66 groshy stoi* (1645 г.) [Linde, V: 426], *Stoi ten towar trzy talary* (1-я пол. XVIII в.) [SJP, VI: 381]. В чешском, как указывает В. Махек, ВП сменил более раннюю конструкцию *za* + ВП [Machek: 575] – можно полагать, под немецким и латинским воздействием; только предложная форма фиксируется в [MSČS: 477] и в чешских сочинениях Я. Гуса (нач. XV в.) [Hus: 159], однако в XVII в. у Я.А. Коменского уже засвидетельствован как предложный, так и беспредложный аккузатив: *za nic nestojí – válka... sto tisíc lidí stála* [Com.: 606]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие славянские конструкции с ВП прямо калькируют иноязычные сочетания, например, серб.-хорв. аккузатив при *valjati* от итал. *valere*, *celo kraljestvo vredan* [Miklosich 1868–1874: 390] – видимо, от нем. *wert* + ВП [Grimm 1989: 914], как и польск. *wart (wart złotówkę* [Vondrák 1928: 268]), *wartować* [Vaillant 1977: 26]; ср. также аккузатив при *hódny* (=нем. *wert*) в верхнелужицком [Libš 1981: 117]; относительно укр. *п'ятсот рубльов варт* даже А.В. Попов, весьма склонный возводить рассматриваемую форму к индоевропейской древности, заметил, что этот оборот "представляет несомненное заимствование" [Попов 1881: 121]. На фоне разнообразия падежных форм в индоевропейских языках поздний русский пример с ВП (*стал ми сто рублевъ* ХАН, 20), равно как и другие аналогичные конструкции в славянских языках, трудно признать отражающими исконное состояние. Можно полагать, что развитие именных актантов при рассматриваемом глаголе, сначала выступавшем в абсолютном значении "быть выставленным (на продажу)", обуславливалось его семантическим развитием: дальнейшая кристаллизация значения – "продаваться" – потребовала обстоятельственного уточнения цены ("продаваться за такую-то сумму" – аблатив в латинском, генитив в греческом, предложные формы в славянских языках), а обобщение семантики до значения "иметь цену" отождествило анализируемые сочетания с другими а т р и б у т и в н ы м и конструкциями, выражающими количественную характеристику предмета посредством количественного винительного, ср.: *ров был длиной тысячу шагов* ("имел длину – какую? – тысячу шагов") – *конь стоил сто рублей* ("имел цену – какую? – сто рублей"). Вероятно, не без влияния со стороны разговорных оборотов типа *сталь сто рублевъ* ВП цены появляется даже при книжном *достояти* в контексте, где по более ранним спискам фиксировался генитив (ср. выше пример из ПрЛ XIII, 80б–в): *Гла продая: ты вѣси, что достоить*. ВМЧ, Дек. 6–17, 732. XVI в. [Сл. XI–XVII, 4: 337] (в обороте: *Сие стадо что достоит* (1 Парал. XXI, 17) Библи. Генн. 1499 г. [там же] – повторена аккузативная модель латинского оригинала: *iste grex quid commeruit*).

Употребление общеславянского глагола *стати* в значении "стоять" наблюдается в русском языке и после XV в., ср.: *Здѣлали... сѣни и около двора забор стало 11 рублев и 6 ал(тын) и 4 д(еньги)* Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, 172, 1584 г. [КДРС];

Добръ ножъ! Што онъ тебѣ *сталъ*?.. Яз его купилъ за три гроша. RG, 31, втор. четв. XVII в.; тот бы шолкъ по П ефимков у Арханге(л)ского города *стал* В-К III, 91; Роспись, по чему *станетъ* мушкетъ... и по чему карабинъ *станетъ* Гебд., 51, 1660 г. [КДРС]; за запасы и за провоз берутъ денгами... кому во что запасы и провоз *станет* Котош., 150, 1666 г.; учение ныне много *станитъ* (так!) DV, 305, кон. XVII в. (*kostet*; ср. там же *умучицнъ* 14); Ценою на один карабль леса в пятнатцать ли тысяч или больши и менши до Ладоги *станут*... о том по окончании той пробы явитца ПБП, XII, 431; рублев полтора ста ему один фрак *станет* Гог. Ревизор, II, 1 [ССРЛЯ, 14: 798]; одна икра *станет* нам двести рублей. Ильф и Петров. Широк. размах [там же]; встречаются подобные формы и в украинских говорах: Весілля великі гроші *стало* [Тимченко 1928: 6]. В современном русском литературном языке, однако, этот глагол считается разговорным. Функцию основного лексического средства для выражения стоимости перенял глагол *стоить*. Как он возник?

С начала XVI в. в нашем материале фиксируется прилагательное *стоиньи* "стоящий" (в именной форме): приказчики мои заплатятъ ему, во что онъ *стоенъ* Арх. Стр. I, 147, 1518 г. [КДРС]: И намъ его жеребеи земли велѣти оцѣнити... чего земля *стоина* Ряд. зап. 1551 г. [Срезн., III: 516]; противъ тѣхъ проторей... полное воздаянье воздати... что тѣхъ проторей будетъ *стойно* и что его Королевское Величество отъ его Царского Величества попроситъ, по достою АИ II, 333, 1609 г. (см. ниже в аналогичном контексте примеры с глаголом *стоити*); будет того не *стойно*, ино яз в накладе RG, 47; а с середня и с плохия земли збавливано и окладено по розмотру, чево которая земля *стоина*. Вер. кн. II, 46об., 1666 г. [КДРС]. Явный параллелизм *стоиньи* – *достоиньи* заставляет и в данном случае предположить отглагольную деривацию: *достоиньи* – от *достояти*, *стоиньи* – от *стояти* (значительно менее вероятно депрефиксация *достоиньи* → *стоиньи*). Реконструируемый таким образом имперфектив *стояти* в значении "стоять" образовывал видовую пару к глаголу совершенного вида *стати* "обойтись в известную цену": Конь *стойтъ* сто рублевъ – Конь *сталъ* мнѣ сто рублевъ⁵. Реальным подтверждением его наличия в языке могут служить, на наш взгляд, следующие контексты: та прибавка Васи(л)ю платити по ценѣ что *че(г) стои(т)* Пам. Ряз., 75, 1584–1585 гг.; Ja chotzu tebbe towar prodati kack mene samomu *stoiet* RB, 63a (в нижненемецком переводе – *Alß sie mi suluen steit*); Ias tebe prodam kack mnie sebe *stoiet*. TF, 293 (*steidt*); Fftroi: ffdetzetro ty sa towar prozsis kack sudit: *stoyt*. 437 (*werdt*); Ia tebe towar prodam kack mnie, sebe *stoyt*. 440 (*steyt*); Я свои товар смѣтиль на девят сотъ гривень. без полтретяцяти гривень в том *стоит* мнѣ мой товар. как ты свои товар перемѣтиль. в том твой *стоит*. 445 (*steyt*, *steydt*). Правда, во всех этих формах трудно определить ударение, а тем самым – принадлежность к *стояти* или *стоити*. Однако внимательное сопоставление написаний *stoiet* и *stoyt* с аналогичными случаями в разговорнике Фенне показывает, что почти во всех релевантных формах, отражающих [и] после гласного, графемы *u* и *ie* используются для обозначения ударного звука; особенно информативны очевидно относящиеся к глаголу *стоять* написания *stoies* "стойшь" 438, *stoiet* 357 и *stoiet* 191 "стойт"; ср. также инфинитив *taut* "таить" 331, 2-е л. *taies* "таишь" 200 и, наконец, формы мн. ч. притяжательных местоимений: *моу* "мои" (6 раз), *туоу* (11 раз), *суоу* (5 раз). В целом *u* и *ie* обычны у Фенне – наряду с *i* – для выражения ударного [и] и в иных позициях, ср.

⁵ Ср. аналогичные пары в старочешском: *státi, stanu, -eš* и *státi, stoju, -iš* [MSČS: 477] – и старопольском: *stać, stoje* – *stać, stanę* [SSP, 53: 397, 401]. Другой имперфектив к *стать* в значении "обойтись" – *становиться* "обходиться" – отмечен в петровское время: И того б смотрили, чтобы на каждой карабль оной лес обошелся до Ладоги в пятнатцать тысяч рублев для того, что ныне *становятца* такие леса во многие тысящи ПБП, XII, 430; тон всякай около семи фунтов *становится*, который мы ныне уторговываем по шести фунтов (там же, 479).

перед [т]: *spyt* "спит" 147, перед [т'] в инфинитиве: *bytt* "бить" 56, *rozbytt* 182, *piet* 249, *piett* 231 "пить", *prostyt* 177, в императиве: *obyd* "обидь" 420, *spytu* "спите" 147, перед другими согласными: *kryva* "криво" 204, *chryva* "грива" 77, *pyva* "пиво" (5 раз), *pyvo* (2 раза), *protyff* "против" 338 (ср. у И.А. Крылова, "Квартет": садись протів альта), *myr* "мир" 55, *pyr* 202, *obydno* 284, *spym* "спим" 147, *ymi* "ими" (твор. пад. мн. ч.) 149, *ymæ* "имя" 497, *sylo* "силу" 239, в конце словоформы: императивы *spy* "спи" 147, *volotzy* "волочи" 345, *govory* 392, числительное *try* (7 раз). Противоположные примеры далеко не столь внушительны; наиболее существенный для нас, *troysa* "троица" 273, возможно, передает не просто [ои], а [оји]; прочие случаи таковы: *pryvikle* 236 (возможна перестановка гласных), *samy* "сами" 330 (не исключено, что у передает здесь [ы]), *sany* "сани" 79, *soly* "соли" (РП ед.ч.) 377, *pieszi* "пиши" 364, императивы *very* 214 и *day* (трижды) и две формы глагола *обижать*: *obysaies* 199 и *obysal* 436. Несмотря на эти отклонения, общая орфографическая система памятника дает, по нашему мнению, достаточно твердые основания для вывода о том, что формы, перечисленные в словоуказателе к изданию под леммой *стоити*, на самом деле относятся к глаголу *стояти.æ*

Немногочисленность конструкций с глаголами цены в письменности XV–XVI вв. определяется, скорее всего, их разговорным характером: показательно, что значительная часть известных нам форм фигурирует в разговорнике Т. Фенне, отражающем – с естественными, впрочем, искажениями – живую обиходную речь Пскова начала XVII в. Кроме того, не вызывает сомнений определенное неудобство данных глаголов с точки зрения смысловоразличения: *стати–стояти* в своих основных значениях и в значении "стоять" весьма далеко разошлись в семантическом отношении и по сути дела превратились в омонимы: Конь *сталъ* "остановился" – Конь *сталъ* "стоил". Столь же неудобным был и многозначный глагол *судити*, который, как свидетельствуют русско-немецкие разговорники и словари XVI–XVII вв., тоже мог выражать значение "стоять": *Twoi towar... stoliko deneg ne sudit RB, 89a* (*Dyne war... Ist so vele geltt nicht werth*; аналогично – 64a, 70a); *Moi towar sudit bolschi kack vtoba Jas prosyl 75a (werth)*; *sudit: stoyt TF, 437 (werdt)*; *kosten, gelten – судить, станить* (так!) *DV, 305*. Неудивительно, что в ряде славянских языков лексемы, соответствующие ср.-русс. *стати–стояти*, либо полностью вытеснены заимствованиями, либо сосуществуют с ними в качестве синонимов. Так, в польском языке германизм *kosztować*, встречающийся даже в русско-польских документах XVI в. (кутазь великы... которой *коштуетъ* его въ шездесятъ золотыхъ червоныхъ Пол. д. III, 757; кутазь велики ... которой *коштуетъ* его золотыхъ червоныхъ пятьдесятъ Там же; NB синтаксическую кальку с немецкого – ВП лица, см.: [Grimm, V: 1866]), с XVIII в. заменил лексику *stać*, см. примеры со *stać* в словарях [Linde, V: 426; SJP, VI: 380–381]). Уже в качестве полонизмов, восходящих к *kosztować*, глаголы *коштувати* и *каштаваць* утвердились, в свою очередь, гесп. в украинском и белорусском языках на месте ранее употреблявшихся (сначала, видимо, тоже под польским, а затем под русским влиянием) глаголов *стояти / стоить*, а в старобелорусском – и глагола *важити* (дай ми одну реч, которая тобѣ немного *важити* будетъ; ланцугъ... *важыть* шестьдесятъ чырвоныхъ золотыхъ [ГСБМ, 2: 292]); ср., с одной стороны, староукраинские и старобелорусские конструкции с типично польским управлением *стояти за* + ВП: *не стоит за третью част* всих именей моихъ (Волынь, 1475 г.); *што бы стояла за двадцать копъ г(р)ше(и)* (Краков, 1487 г.) [ССУМ, II: 392]; *за ничто не стоить*; *ледтва стоить за единъ баханъ хлеба* (Ф. Скорина, 1-я четв. XVI в.) [СМС, II: 260] – и, с другой стороны, примеры из украинского языка XIX в.: *ми не стоїм і волосочка одного*; *сльоз і крові* Письмо [те] *стоїло* [Шевч., II: 296]; *Стбіти, стбію, їш...* *Хиба ж наша мати вже й кози не стоїть*; *великого стоїть* – и даже с плеонастическим -ся: *Стбітися, стбіюся, їшся: Чого... стоїться оцей халат?, А що стоїться сей жмуток?*

[Гринч., IV: 208]. Нем. *kosten* было усвоено и иными славянскими языками: верхне-лужицким – в форме *koštować*, фиксируемой с XVIII в. и вытесняющей в разговорном языке более ранний, известный с XVI в. глагол *placić* [Libš 1981: 108; Schuster-Šewc, 9: 638; 14: 1083; DOSW: 586], болгарским – в форме *костувам*, которая закрепилась наряду со *струвам*, в сербохорватском – в форме *коштати*, употребляющейся вместе с другим германизмом, *вредети*, и итальянизмом *ваљати* параллельно исконному *стајати*. По сходному пути пошел и русский язык, ограничившись, однако, лишь незначительным видоизменением исконной лексемы.

В конце XVI в. в документах, связанных по происхождению, содержанию и языку с Польшей, – "листе литовских послов" с перечислением "шкот", которые "учинились" им в Московском государстве, и ответной грамоте русских бояр, подробно трактующей – с цитированием жалоб поляков – об этих реальных и мнимых убытках (1570 г.), – отмечаются следующие контексты: Адамъ Былинской далъ вести пахолопку своему коня сивого почтового, которой *стоилъ копъ дванатцать* Пол. д. III, 750; перестень золотъ у Блажки... взять, а *тое цѣны*, что вы писали, многимъ *не стоить* 755: *стоить* то сѣдло и кутазы *штисотъ* (РП) *золотыхъ червонныхъ* 755; А что писали есте о Матвѣѣ о Мыслинскомъ, о слугѣ пана и воеводы иновлоцлавского, что царское величество передъ собою сняти казалъ газуку... да шапку, которая газука, и шапка *стоитъ дватцать рублевъ*, и того не вернено, и то, пане, не нашие мѣры писати. 756; вернено ему кутазъ зъ галкою съ мѣденою не его, которые ледве *пятнатцать золотыхъ стоить* 756–757; тогда ему вернуть назадъ кутазъ невелики зъ галкою мѣденою, которой ледве *стоитъ золотыхъ девятинатцати* 757. Поскольку образования наст. вр. внешне не отличаются от обсуждавшихся выше форм глагола *стояти*, особого внимания заслуживает форма прош. вр. *стоилъ* (750), демонстрирующая аномальный исход основы *стоц-*, отличный от первоначального *стоя-*. Известно, между тем, что глаголы состояния принадлежали к словоизменительному типу на *-ѣ/-и-* (ср.: *сѣдѣти* – *сѣдиши*, *лежати* – *лежиши*, *стояти* < **stā-ē-* – *стоиши*) и в принципе не могли иметь инфинитивно-претеритальную основу на *-и-*, которая была присуща только каузативам, итеративам и деноминативам [Aitzetmüller 1978: 217–220, 224–227]. Следовательно, остается заключить, что в данном случае мы имеем дело со вторичным образованием, возникшим на базе новой формы презенса *стѣить*, появлению которой способствовали, с одной стороны, польск. *stoi* (3-е л. ед.ч. наст. вр.) – наиболее частотная форма глагола *stać* (< **stojac*), *stoje* в значении "стоять", а с другой стороны – форма с инновационным ударением *достѣить* – от синонимичного глагола *достояти*, повсеместно фигурирующая в среднерусских акцентуированных памятниках [Зализняк 1985: 362]. Форма *стѣить* и послужила образцом для новой словоизменительной и акцентной парадигмы, и в частности для прош. вр. *стоил* и т.п. и инфинитива *стоити*, ср. [Фасмер, III: 748; Vaillant 1977: 29].

Будучи глаголом, специализированным – в отличие от *стати*–*стояти* – на выражении цены, *стоити* в непродолжительном времени заменил соответствующий лексико-семантический вариант глагола *стояти* и оттеснил на периферию языка глагол *стати* "обойтись (в определенную сумму)". Уже в начале XVII в. форма прош. вр. *стоило* наблюдается в двух редакциях русско-шведского соглашения: Государю нашему Царскому Величеству велеможному Королю Карлу, противъ его Королевской любви и дружбы и споможенья и проторей... полное воздаяние воздати... чтобы тѣхъ *проторей стоило*, чего велеможный Король у Государя нашего Царского Величества по достоянью попроситъ АИ II, 331 (договорная запись бояр со шведским полководцем Я. Деллагарди, 17 дек. 1609 г.); полное воздаяние воздати... чтобъ тѣхъ *проторей стоило* 336 (грамота Василия Шуйского Карлу IX, 17 янв. 1610 г.); во второй четверти XVII в. презенс с ударением на *о* зафиксирован в акцентуированном учебном разговорнике, предназначенном для немцев, но явно написанном русским и достаточно близко

отражающем московскую обиходную речь; впрочем, рядом с ним – возможно, не случайно – употреблена и форма с нафлексивным ударением, ср.: Катер(ина): За сто(л)ко язъ не во(з)му, *не сто́итъ того*. Данил(о): *Сто́итъ*, спроси ин'де. RG, 47. В середине XVII в. формы, образованные от основы *стои-*, в том числе бесспорная *стоили*, встречаются в "Вестях-Курантах", в целом ориентированных на народно-разговорный язык, хотя и не вполне свободных от польского влияния: в то мѣсто иные города да(т) чтоб *тѣхъ* (ж) *стоили* В-К III, 46 (ср. отдельные полонизмы в том же "переводе с вестовых тетрадей": из *Вѣдны, кроле(в)скомъ* 48); дает он ему Давыду вѣдомо о ефимках... и в нихъ великой обман есть и *не стоятъ прямои цены* 91 (там же – цитировавшийся выше пример с глаголом *стати*; ср. лексический полонизм: королевское *весе(л)е* Варшаве попросту вело(с) 93); чтоб *тѣхъ* истинных *денег* и *ростов стоили* В-К IV, 55 (перевод Оснабрюкского договора, вероятно, выполненный нерусским, на что указывает нередкое смещение *и* и *ы*, а также странное написание: послѣ *детвего* (!) году 58). В деловых памятниках второй половины XVII в. форма *стоит* – наряду с прош. вр. на *стои-* – отмечается неоднократно, причем с учетом всего сказанного предпочтительнее, думается, отнести ее уже к парадигме *стоити*. ср.: И буде свейской прикащик за новое строенье, во что стало, той цены платить не учнет, а станет говорить, что *той цены не стоит...* и караулу на дворе быть ли? ЭСРШ, 117, 1663 г.; допрося иконописцовъ, *той цѣны та олифа стоитъ* ли Заб. Ик., 79, 1667 г. [КДРС]; имать у нихъ... въ ясакъ лисицами или за лисицы соболми, которой бы соболь *стоилъ лисицы* ДАИ VII, 148, 1678 г. [КДРС]; а какъ бы де онъ (камень) былъ чистъ... и онъ бы де *стоилъ* и болши той цѣны ДАИ X, 372, 1683 г. [КДРС]; а дати въ монастырь родителемъ ихъ денги, *чего* та вотчина *стоитъ* Там же, 308; *чего* тотъ камень *състоитъ* Рим. д., 147, 1688 г. [КДРС]; чтобъ *стоилъ польденъги* пирогъ Влад. сб., 180, 1696 г. [КДРС]; тое землю продает и ты пово(л) с ним видетца... и *чево* она *стоит* д(е)н(е)г заплати(т) ИНРЯ, 117; и в переносном значении: пище(ш) ты г(с)дрь ко мне с кручиною чтобы мне лутчи с Шестоковым разделатца... и мне г(с)дрь *стоит* *десяти Шестоковых* твое жалова(н)я приятство ПНРЯ, 42. Несколько примеров (среди которых и важная для нас форма *стоила*) фигурирует у Г. Котошихина (1666 г.): а за то... д(а)ет денгами по оцѣн(кѣ) что *чего стоитъ* Котош., 64; а цѣнять королевские и ихъ посолские дары тою ценою *чего стоит* вѣсомъ а дѣла не считают 80; а цѣну на них кладут они что *чего стоитъ* 106; дают денги за ту вотчину ис црские казны на поминание дши... *чего* та вотчина *стоила* 109. Новый глагол нашел отражение и в русской грамматике Г.В. Лудольфа (1696 г.): где лѣсовъ много тамъ огонь мало *стоитъ* Lud., 62 (*constat, kostet*), и в "лексиконах" начала XVIII в., составленных И.Г. Спарвенфельдом и Ф. Поликарповым, причем в обоих словарях – в личной форме с ударением на *о*: *Сто́итъ* за много [SLS, IV: 131]; *Сто́итъ* сие великия цѣны [Полик.: 664].

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство примеров с *verba pretii*, засвидетельствованных в среднерусских текстах, демонстрируют управление РП – кстати, крайне редкое для польского *stać*. По всей вероятности, сочетаемость бесприставочных глаголов цены с РП наследует исконное управление достигательного глагола *достояти*, тогда как приглагольное употребление определительного детерминанта – количественного винительного – отражает расширение его синтаксических функций; знаменательно, что в XVII в. распространение аккумулятива наблюдается не только при глаголах цены, но и при переходных глаголах продажи, способных одновременно присоединять объектный ВП (либо его субститут при отрицании – РП): *Otzum ty suoi tovar dorosis tovar nomna opal y ty pereszneu tzenu prodas*. TF, 281; *Tebe pereszneu tzenu ne prodat iovo* 282; *ty odnoiу* (ВП типа *тою, ею*⁶) *tzenu torguis besz*

⁶ Ср.: Подай мнѣ пивну́ю сто́пу... Дай мнѣ *ёю* сюдѣ RG, 24.

vbuffky. 298; *Продают* вьюк прутнику мелочи *полтину* Гр. Хив. Бух., 265. 1697 г. [КДРС] (пример сообщен нам А.Н. Шаламовой). Нетрудно убедиться, что ВП используется только для точного указания на цену либо при апелляции к такому указанию – в чем и проявляется его сущность как количественного детерминанта. РП тоже применяется при точном обозначении цены, но чаще – при неопределенном указании на стоимость, что отвечает исконной, этимологической функции генитива при достигаемых глаголах как показателя объекта, к которому действие лишь направляется, не охватывая его целиком.

Со временем противопоставление по признаку точности (resp. определенности) становится более последовательным, приобретая характер лексико-комбинаторного варьирования: аккумулятив по-прежнему выступает лишь в тех случаях, когда необходимо выразить точную цену (*Книга стоила сто тысяч рублей*), а РП, утрачивая способность к употреблению в необычной для него функции точного указания на стоимость, ограничивается контекстами, выражающими неопределенную цену (*Книга стоила больших денег*), либо метафорическим использованием в значениях "оправдывать затраты, расходы; заслуживать" (*Стоит ли эта книга ста тысяч рублей?*) и "требовать для своего осуществления каких-либо усилий, жертв, потерь и т.п." (*Покупка этой книги стоила ему больших хлопот; Эти прихоти стоили ему состояния*). Приведем примеры: хотя *што нибуть оное* вамъ будетъ и *стоитъ*, но лутче заплатить ПМ XVIII, 27, 1771 г. (речь идет о конкретной сумме); *Приказчиков дом окончан ли? хорошо ли он обделан и что стоил?* [Гоголь, X: 76]; *обед стоит мне 17^{мь} рублей; возьми с меня, что оно будет стоит* [Пушк., IV: 374]; *А что будет стоит самовар?* Герцен. Станция Едрово, 1 [ССРЛЯ, 14: 905]; *Вот стразовую побрякушку ухватил... она грош стоит.* А.В. Сухово-Кобылин. Св. Креч. II, 8 [Шахматов 1941: 548] – но: *Я трудился долго и наконец успел нарисовать 3 картины, а 4-ю еще только что начал и можно сказать, что стоит чего-нибудь* [Гоголь, X: 43] (речь идет об относительной ценности картины); *необыкновенных усилий и отказов во всех необходимых потребностях это будет стоит вам* [там же: 170–171]; особо отметим четкое противопоставление двух вариантов у Н.С. Лескова: – *...стоит ли это огорчение того, чтобы вы кончились?* – Разумеется, стоит; это *стоит тысячу рублей*, – простонал умирающий (Собр. соч. В 11 т. Т. 6. М., 1957. С. 642) – и неоправданную вариативность ВП и РП у А.И. Герцена, вероятно, продиктованную гиперкорректным стремлением к различному маркированию определенного (*целое поколение*) и неопределенного (*может, всего будущего*) объектов в метафорическом контексте, который отнюдь не допускает такой вариативности: в это время Наполеон (III. – В.К.) чувствовал то пламенное участие к судьбам Польши, которое ей *стоило целое поколение и, может, всего будущего* (Былое и думы, 7, V, I).

Итак, ВП при *стоит* имеет обстоятельственное происхождение. Синтаксический статус аккумулятива цены, однако, с течением времени изменялся, так как, варьируясь с исконным РП при *(до)стояти*, он приобретал объектное значение, вообще свойственное всем позднейшим винительным, вступавшим в вариативные отношения с родительными при глаголах достижения и удаления (*достигнути города – городъ, дожидатися войска – войско, отступитися отчины – отчину* и т.п.). Объектный характер ВП при *стоит* подтверждается тем, что он мог подвергаться местоименной субституции (*что*), а также трансформации в РП при отрицании: *стоит тысячу рублей – не стоит (и) тысячи рублей*. Тем самым традиционная точка зрения, квалифицирующая ВП при глаголах типа *стоит* как обстоятельственную форму (см., например [Шахматов 1941: 548; Исаченко 1965: 102]), нуждается, как мы полагаем, в некоторых коррективах. Не вызывает сомнений то положение, что обстоятельственный аккумулятив независим от глагола, т.е. не является ни обязательной, ни предсказуемой формой. Между тем очевидно, что анализируемые глаголы, будучи информативно недостаточными, необходимо требуют "зависимой словоформы,

обеспечивающей информативность" [РГ 1980, II: 16]. Именно обязательность и предсказуемость ВП цены и веса выделяет его из числа форм, рассматриваемых в "Грамматике-80" как падежно примыкающие, и заставляет Н.Ю. Шведову специально для этого случая вводить понятие "сильного падежного примыкания" [там же: 44]. Представляется, однако, что связь, возникающая между именем и глаголом в сочетаниях типа *стоит рубль*, является связью сильного управления; такой подход вполне соответствует указанию "Грамматики-80", согласно которому при "сильном управлении возникают отношения восполняющие или объектные либо их контаминации (в эти контаминации могут включаться и обстоятельственные отношения)" [там же: 21] (разрядка наша. – В.К.). Признание сильноуправляемого характера связи между компонентами исследуемых словосочетаний говорит в пользу определения ВП при глаголе *стоит* как объектной формы. Важнейшим фактором, который противоречит этому выводу, является отсутствие пассивной конверсии. Однако, сопоставляя обороты типа *стоит тысячу рублей* с транзитивными сочетаниями типа *имеет цену*⁷, мы должны констатировать не только их семантическую близость, но и тождественность их трансформационных признаков: в обоих случаях в современном языке возможна только замена ВП родительным при отрицании. На наш взгляд, во всех указанных сочетаниях имеет место ВП внутреннего объекта, обозначающий понятие, которое "может рассматриваться как в некотором роде включенное в значение глагола", ср. древнерусские обороты типа *ити путь*, "где идея пути уже предвосхищена идеей ходьбы" [Марузо 1960: 54], и *стоит рубль*, где, так сказать, идея цены предвосхищена идеей стоимости. Для многих винительных внутреннего объекта пассивное преобразование также не характерно, хотя объектный их статус не подлежит сомнению (см. [Пешковский 1956: 294]).

Было бы, однако, неверно умолчать о том, что количественная семантика существительного оказала бесспорное воздействие на восприятие анализируемых сочетаний носителями языка: вытеснение оборотов типа *что стоит?* явно указывает на обстоятельственное переосмысление ВП⁸. Поэтому с точки зрения синхронии, видимо, все же следует считать винительный при глаголах цены пограничным между объектными и обстоятельственно-определятельными формами.

ИСТОЧНИКИ

- АИ II – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1841.
 В-К III – Вести-Куранты, 1645–1646, 1648 гг. М., 1980.
 В-К IV – Вести-Куранты, 1648–1650 гг. М., 1983.
 Гоголь, X – Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т. 10: Письма, 1820–1835. Л., 1940.
 Гринч. – Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка. Т. 1–4. Киев, 1907–1909.
 ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–11. Мінск, 1982–1991–.
 ИНРЯ – Котков С.И., Панкратова Н.П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964.
 КДРС – Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. (хранится в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН).
 Котош. – Pennington A.E. Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvomanie Alekseja Mixajloviča. Oxford, 1980.
 Пам. Ряз. – Памятники русской письменности XV–XVI вв.: Рязанский край. М., 1978.
 ПБП, XII – Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 1. М., 1975.
 ПМ XVIII – Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981.
 ПНРЯ – Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. М., 1965.
 Пол. д. III – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 3. СПб., 1892. (Сб. Рус. ист. о-ва. Т. 71).

⁷ Трактовку этих конструкций как интранзитивных см. [Копорielko 1989: 52].

⁸ Следствием деобъективации ВП является присоединение его – по аналогии со *стоит* – к явно непереходному глаголу *обойтись/обходиться*, обычно управляющему сочетанием *в + ВП*, ср.: *стол его... обходился казне в день четыреста рублей* (Н.С. Лесков. Захудалый род, Старое старится – молодое растет, 3); *Девятьсот рублей это нам обошлось* (Ф. Сологуб. Мелкий бес, X).

- Полик. – *Polikarpov F.* Leksikon trejazyčnyj = Dictionarium trilingue, Moskva 1704 / Nachdruck und Einleitung von H. Keipert. München, 1988.
- Пушк. – Словарь языка Пушкина. Т. 1–4. М., 1956–1961.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–4. М., 1988–1991–.
- Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–21. М., 1975–1995–.
- СМС – Слоўнік мовы Скарыны. Т. 1–2. Мінск. 1977–1984.
- Срезн. – *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Т. 1–3. Репринт. изд. М., 1989.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.: Л., 1950–1965.
- ССУМ – Словник староукраїнської мови. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.
- УСб – Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.
- ХАН – Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986.
- Шевч. – Словник мови Шевченка. Т. 1–2. Київ, 1964.
- ЭСРШ – Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. М.; Стокгольм, 1978.
- Com. – *H. Rösel.* Wörterbuch zu den tschechischen Schriften des J.A. Comenius. Münster, 1983.
- DOSW – Deutsch-obersorbisches Wörterbuch. I. Bautzen, 1989.
- DV – Teutscher, und Reussischer, Dictionarium (Dictionarium Vindobonense): Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch... / Hrsg. und eingeleitet von G. Birkfellner. Weinheim, 1984.
- EM – *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots. 4. éd. Т. 1–2. P., 1959–1960.
- FT – *Falk H.S., Torp A.* Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch. Т. 1. Heidelberg, 1910.
- Grimm – *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. Bd 1–16. Leipzig, 1854–1954.
- Hus – *Novák K.* Slovník k českým spisům Husovým. Praha, 1934.
- Kluge – *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 22 Aufl. B.; N.Y., 1989.
- Linde – *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. Т. 1–6. Lwów, 1854–1860.
- LS – *Liddell H.G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968.
- Lud. – *Ludolf H.W.* Grammatica Russica, Oxonii A.D. MDCXCVI / Ed. by B.O. Unbegaun. Oxford, 1959.
- Machek – *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. 2. vyd. Praha, 1968.
- MHDW – *Benecke G.F., Müller W., Zarncke F.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Bd 1–3. Leipzig, 1854–1866.
- MNDHW – Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Bd. 1–3–, Lief. 1–25–. Hamburg, 1928–1994–.
- MSČS – *Bělič J., Kamiš A., Kučera K.* Malý staročeský slovník. Praha, 1978.
- Niermeyer – *Niermeyer J.F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976.
- RB – "Ein Rusch Boeck...": Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert / Hrsg. von A. Fałowski. Köln etc., 1994.
- RBG – *Vasmer M.* Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch: Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922.
- RG – *Sørensen H.Ch.* Ein russisches handschriftliches Gesprächsbuch aus dem 17. Jahrhundert. København, 1961.
- RHSJ – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 1–23, sv. 1–97. Zagreb, 1880–1976.
- Schuster-Šewc – *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. 1–23–. Bautzen, 1978–1989–.
- SJP – *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Т. 6. Warszawa, 1915.
- SLS – *Sparwenfeld J.G.* Lexicon Slavonicum. V. 1–4 / Ed. and comment. by U. Birgegård. Uppsala, 1987–1990.
- SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Knj. 1–5. Ljubljana, 1970–1991.
- SSP – Słownik staropolski. Т. 1–10–, z. 1–63–. Wrocław etc., 1953–1990–.
- TF – *Tönnies Fenne's* Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607. V. 2. Copenhagen, 1970.
- Walde – *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neubearb. Aufl. von J.B. Hofmann. Bd 2. Heidelberg, 1954.
- Woodhouse – *Woodhouse S.C.* English-Greek dictionary: A vocabulary of the Attic language. London, 1959.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Зализняк А.А. 1985 – От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Исаченко А.В. 1965 – Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. 2-е изд. Ч. I. Братислава, 1965.
- Марузо Ж. 1960 – Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
- Пешковский А.М. 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Попов А.В. 1881 – Синтаксические исследования. Воронеж, 1881.
- РГ 1980, II – Русская грамматика. Т. II. М., 1980.
- Тимченко Є.К. 1928 – Акузатив в українській мові: (З української складні). Київ, 1928.

- Шахматов А.А.* 1941 – Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Aitzetmüller R.* 1978 – Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg i. Br., 1978.
- Grimm J.* 1989 – Deutsche Grammatik 4, 2. Teil (1898). Hildesheim etc., 1989. (Grimm J. u. W. Werke. Abt. I. Bd. 14).
- Konopielko B.* 1989 – Транзитивные глаголы в современном русском языке. Wrocław, 1989.
- Kronasser H.* 1966 – Etymologie der hethitischen Sprache. Bd. 1. Wiesbaden, 1966.
- Libš J.* 1981 – Syntax der sorbischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen, 1981.
- Miklosich F.* 1868–1874 – Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 4: Syntax. Wien, 1868–1874.
- Specht F.* Zur Geschichte der Verbalklasse auf *-ē*: (Ein Deutungsversuch der Verwandtschaftsverhältnisse des Indogermanischen) // KZ. 1935. Bd. 62.
- Vaillant A.* 1977 – Grammaire comparée des langues slaves. T. 5: La syntaxe. Paris, 1977.
- Vondrák W.* 1928 – Vergleichende slavische Grammatik. 2. Aufl. Bd. 2: Formenlehre und Syntax. Göttingen, 1928.